

Долгое время в русскоязычной литературе существовала ориентация на отождествление теории аргументации с теорией обоснования. Поэтому термин «аргументация» считался даже излишеством в научном обиходе, исключался из соответствующих справочных изданий (см. *Философская энциклопедия* 1962, *Философский энциклопедический словарь* 1983). Если же где-то он и упоминался, то обычно сводился к виду обоснования – доказательству (как к логическому процессу, в ходе которого истинность некоторого высказывания выводится из других истинных высказываний) (Кондаков 1975: 49), (Гетманова 1986). В иных случаях обоснование рассматривалось в более широком аспекте, и в объём этого понятия включалось не только доказательство (полное обоснование), но и подтверждение (частичное обоснование) (см. Войшвилло, Дегтярёв 1997: 467), (см. Ивлев 2000: 182), (см. Уёмов 1997: 319). Если же принять во внимание высказываемые соображения о том, что обоснование охватывает и такие процедуры, как объяснение, интерпретацию, определение, сопоставление и др. (см. Никитин 1988: 131-158), то открывались перспективы создания более содержательной теории. Существуют попытки продвижения в этом направлении (см. Берков 2004: 93-105).

Отмеченные выше подходы реализовались в сфере логики, понимаемой достаточно узко, – как дисциплины, проблематика которой соотносима в основном с семантическими и синтаксическими аспектами языка. При этом уточнялась логическая структура различных видов аргументации, в рамках двузначной семантической оценки («истинно», «ложно») определялись понятия аргументов (доводов, оснований) и тезиса. В контексте логической теории следования исследовался характер связи между ними. Полученные результаты не ставятся под сомнение и являются достоянием учебной литературы.

Но этого оказалось недостаточно. Со временем стало ясно, что логика не может ограничиваться лишь семантико-семантическим рассмотрением языка. Чтобы стать действенным орудием познания, она должна была выйти в более богатую сферу прагматики, в сферу общения между людьми, ибо познание есть отражение объективной действительности в процессе предметно-практической деятельности и *коммуникации*. Это требовало обогащения понятия обоснования (и, следовательно, термина аргументации) новыми признаками. Попытка выхода в сферу коммуникации и прагматики осуществлялась многими исследователями: Г.А.Брутяном, Ф.Х. ван Еемереном и Р.Гроотендорстом, М.М.Новосёловым и др. Вот фрагмент из монографии Г.А.Брутяна: «Аргументация - это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса: рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы; дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как и основаниям и тезису опровержения; опровергается антитезис, т. е. тезис оппонента; доказывается тезис; создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов; обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и реализации определенных программ, действий, вытекающих из доказываемого положения» (см. Брутян 1984: 7).

Как видим, наряду с такими понятиями, как тезис, основания, довод, доказательство, антитезис, опровержение и др., описываемыми в семантико-синтаксическом ключе, в данной

характеристике используются прагматические термины «доказывающий», «оппонент», «убеждение», «целесообразность принятия».

У голландских исследователей Ф.Х. ван Еемерена и Р.Гроотендорста аргументация – «сложный речевой акт, цель которого содействовать разрешению спора» (см. Еемерен, Гроотендорст 1992: 15). При этом теория речевых актов отождествляется с прагматикой в ее дескриптивных и нормативных аспектах. Поскольку данная теория разрабатывается на основе анализа спора, дискуссии, постольку она называется авторами прагматодialeктической (Еемерен, Гроотендорст 1992: 14-15).

М.М.Новосёлов рассматривает аргументацию как способ подведения оснований под какую-либо мысль или действие (обоснование) с целью их публичной защиты, побуждения

к определенному мнению о них, признания или разъяснения, как способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов. В качестве главных аспектов аргументации М.М.Новосёлов выделяет: фактуальный (информация о фактах, используемых в качестве аргументов), риторический (формы и стили речевого и эмоционального воздействия), аксиологический (ценностный подбор аргументов), этический (нравственная приемлемость или дозволенность аргументов) и, наконец, логический (последовательность и связность аргументов, их организация в дедуктивный вывод). Эти и другие аспекты аргументации рассчитаны на то, чтобы наилучшим образом повлиять на аудиторию (см. Новосёлов 1989: 36).

В высказываниях М.М.Новосёлова, как видим, акцент отчётливо смещается на характеристики, которые свойственны адресанту, аргументатору. Здесь он – центральная фигура в процессе аргументации. Её конечный результат – побуждение к какому-то мнению, признание или по крайней мере ясность обоснования – зависит, у М.М.Новосёлова, прежде всего от аргументатора, и с этим вряд ли стоит спорить. И всё же остаётся открытым вопрос: что происходит на противоположном полюсе, с какими условиями и познавательными процедурами связано, в частности, признание того, чего добивается аргументатор, почему формируется соответствующее убеждение? Этот вопрос правомерно поставить и другим исследователям, и на нём мы сконцентрируем своё внимание в последующих рассуждениях.

Пожалуй, первое, с чем сталкивается адресат, – это необходимость в *понимании* того, что ему отправлено. Однако с понятием понимания связано немало трудностей, и это признаётся всеми авторитетными авторами. Известный американский психолингвист Дж.А.Миллер в своё время писал: “Нет психологического процесса более важного и в то же время более трудного для понимания, чем понимание, и нигде научная психология не разочаровывала в большей степени тех, кто обращался к ней за помощью” (см. Миллер 1968: 266). С тех пор прошло более полвека (статья Дж.А.Миллера “Psycholinguistics” была опубликована в 1954 году), но не только психология, но и другие науки, использующие понятие понимания – эпистемология, логика, социология, текстология, риторика, – мало продвинулись в исследовании его сущности. Дискуссии среди ученых по поводу толкования этого понятия продолжаются по сей день.

Некоторые авторы полагали, что для понимания смысла речевого сообщения достаточно иметь прочный и широкий словарь, т. е. понимать значение каждого слова, его предметную отнесенность, его обобщающую функцию и владеть достаточно четкими грамматическими правилами, по которым эти слова соединяются друг с другом. Другие же пошли дальше, и, не отрицая наличия нужного круга понятий и знания системы соответствующих грамматических правил, указывали, что процесс понимания сообщения начинается с поисков общей мысли высказывания и только потом перемещается на лексико-фонетический и синтаксический уровень. Поиск общей мысли связан с переходом к выяснению подтекста и контекста воспринимаемого высказывания, следовательно, глубины его смысла. «Текст, – писал А.Р.Лурия, – может быть понят или «прочтен» с различной глубиной; глубина «прочтения» текста может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного значения» (см.

Лурия 1979: 220).

Анализ перехода от понимания внешнего значения сообщения к пониманию «контекста» и «подтекста», перехода от значения к внутреннему смыслу сообщения стал важнейшей задачей психологии познавательных процессов.

Однако психология и лингвистика – лишь частные научные дисциплины. Но, как известно, кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо на каждом шагу бессознательно для себя «натывается» на эти общие вопросы. Поэтому нужен подход к проблеме понимания с более общих позиций, как это делается на философском уровне.

В соответствии с платоновской, научно-рационалистической традицией, пользующейся достаточно сильной поддержкой среди ученых, *понять* нечто — означает в индивидуальной, лично окрашенной форме (т.е. в форме своих понятий и представлений) проникнуть в его сущность и соотносить с ним второстепенное, привнесенное, случайное, увидеть единичное как частный случай чего-то общего¹ (см. Брудный 1991: 115). Поскольку сущность, согласно этой традиции, имеет многоуровневую структуру — различают сущность нулевого (явление), первого, второго и прочего, более глубокого порядка, — постольку правомерно говорить об уровнях понимания и на философском уровне. В первом приближении, без претензий на окончательную систематизацию, можно выделить, видимо, четыре таких уровня.

Первый, наиболее поверхностный уровень понимания сообщения, воспринимаемого адресатом, связан с уяснением и уточнением смысла его компонентов. Условно назовем этот уровень *ассимиляцией смысла*. Это понимание на уровне явления. Этот уровень описан уже психолингвистами первого поколения, хотя они отождествляли его с пониманием в целом. На этом уровне выделяются лексические единицы текста, выявляются синтаксические отношения между ними, устанавливаются их семантические характеристики. Каждый из обозначаемых объектов относится к одному из множества классов на основе опознавательных признаков. Словари (терминологические, толковые и пр.) — незаменимые помощники в решении задач такого рода.

Второй, более глубокий уровень — *интерпретация смысла*. Эта операция связана с выделением тех характеристик текста, которые не только соответствуют смысловым структурам адресата, но и импонируют ему, отвечают его устремлениям и намерениям². Поэтому интерпретация всегда содержит в себе налёт субъективизма.

Нередко интерпретация принимает форму *актуализации*, а иногда ее крайнего выражения — *конъюнтуризации*, поскольку адресат обращает внимание на те моменты, которые важны для удовлетворения общественных потребностей или достижения личных сиюминутных целей. Формой интерпретации может быть мнение о чем-либо. Очевидно, адресат может по-своему интерпретировать содержание текста или процесса аргументации и потому по-своему их понимать. Отсюда — множественность интерпретаций сообщения.

Такая предвзятость свойственна не только отдельным индивидам, но и целым социальным группам (нациям, классам, сословиям, корпорациям и т.д.). Она наблюдается и

в истории науки, при господстве в ней так называемых кумулятивистских методологических установок (У.Уэвелл, неокантианцы, неопозитивисты). Эта модель предполагает, что с каждым крупным, фундаментальным открытием в науке перестраивается и предыдущая история, история как бы пишется заново, подстраивается под вновь принятую теорию. В прошлом истинным, заслуживающим внимания считается только то знание, которое подготовило современное состояние науки, которое может быть в снятом виде включено в структуру знания сегодняшнего дня. Таким образом выстраивается логическая цепочка развития научных идей, вытекающих одна из другой. Все, что с точки зрения сегодняшнего дня устарело, что не может быть включено в ряд идей, дедуктивно следующих друг за другом, все, что с точки зрения сегодняшнего дня ложно, не рассматривается в качестве фундамента настоящего и исключается из истории научных идей.

Особой разновидностью интерпретации является *модернизация*. Ее специфика состоит в том, что интерпретируемое содержание сообщения наделяется дополнительными признаками, взятыми в современных сходных состояниях. Прошлое, будучи пропущенным через призму настоящего, получает несвойственные ему оттенки. Естественно, в результате мы имеем искаженное представление о зафиксированных в сообщении отношениях и событиях.

Ещё один уровень понимания текста — *реконструкция смысла*. Она связана с выяснением того, какие задачи решал автор, создавая текст. На этом уровне понимания требуется расследовать, к чему стремился адресант, какими мотивами он руководствовался,

какие задачи перед собой ставил, создавая текст. Произведение в таком случае выступает как совокупность ответов на некоторые вопросы. Согласимся с Р.Дж. Коллингвудом, что «доктрины философа суть ответы на вопросы, которые он задает самому себе. Всякий, кто не понимает этих вопросов, не может рассчитывать и на то, чтобы понять его доктрины. <...> Любой человек может понять любую философскую доктрину, если сумеет ухватить те вопросы, на которые она отвечает» (см. Коллингвуд 1980: 353). Дневники авторов – бесценные источники для восстановления подобного рода вопросов и, следовательно, углубленного понимания их текстов.

Однако не всегда применяемый при реконструкции вопросно-ответный метод оказывается эффективным. Особенно это характерно для творчества художников, композиторов, поэтов и пр., когда произведение создается без заранее намеченных установок и планов. Так работал, например, Э.Хемингуэй, говоривший, что самое трудное для него – дожидаться следующего утра и узнать, что случилось с его героями. Он просто сливался со своими персонажами.

Существуют тексты, являющиеся побочным продуктом задач, стоящих перед их авторами, и замысел произведения может существенно не совпадать с реальным результатом. Следовательно, некритическое использование вопросно-ответного подхода при реконструкции смысла может вести к заметному искажению сути дела, к упрощенному пониманию получаемого текста. Нужно учитывать не только то, как проблема (задача) формулировалась первоначально, но и как она развивалась в дальнейшем.

Однако реконструкция смысла не есть самый глубокий уровень понимания. Почти достоверно известны вопросы, на которые пытался ответить Л. Толстой, но ни он сам, ни его многочисленные почитатели долгое время не представляли, насколько полно и основательно он вскрыл противоречия общественной жизни накануне русской революции. Будущие исследователи, как правило, понимают текст лучше, чем его создатели и современники ("парадокс Шлейермахера"). То же бывает (и часто!) в науке: истинное значение какого-либо открытия остается совершенно неизвестным для самого первооткрывателя. М.Фарадей, например, не видел перспектив практического использования, открытого им явления электромагнитной индукции, а когда у Г.Герца, экспериментально доказавшего (1886-89 гг.) существование электромагнитных волн, спросили, каково практическое значение его открытия, он ответил: «Никакого», – хотя уже в 1895 году заработал радиоприемник А.С.Попова. Э.Резерфорд, чьи заслуги в исследовании строения атомов общеизвестны, утверждал, что атом – не источник энергии, а ее могила.

С течением времени происходит, рискуем сказать, полное раскрытие содержания «позывных», направленных от адресанта к адресату (будь то исторический или философский трактат, произведение искусства, научное открытие и т.д.), выявляются его наиболее существенные характеристики. Этот уровень понимания можно назвать *эссенциальным* (от лат. *essentia* – сущность). На эссенциальном уровне понимания анализируемый текст соотносится с определенными социокультурными условиями, его содержание связывается с тенденциями и коллизиями общественного развития. В исследованиях марксистской методологической ориентации настоятельно подчёркивается определяющее значение экономических и социокультурных факторов³(см. Плеханов 1957: 172).

Великие произведения литературы, искусства, науки отличает совпадение авторских задач и ценностных установок с тенденциями общественного развития. Поэтому такие произведения живут века, и каждая эпоха ищет и находит в них ответы на свои вопросы. "Погружение" текста в историко-культурный контекст выступает в качестве необходимой герменевтической процедуры и методологической установки.

Понимание – непременное условие *принятия* (признания) адресуемого текста. Связь понимания и принятия – вечная дидактическая проблема. На психологическом уровне к её разработке обращался ещё Аристотель. «Усвоение преподаваемого, – писал великий Стагирит, – зависит от привычек слушателя; какие у нас сложились привычки, такого

изложения мы и требуем, и то, что говорят против обыкновения, кажется неподходящим, а из-за непривычности – более непонятным и чуждым, ибо привычное более понятно. А какую силу имеет привычное, показывают законы, в которых то, что выражено в форме мифов и по-детски просто, благодаря привычке имеет большую силу, нежели знание самих законов» (см. Аристотель).

Вместе с тем, существует более широкий, социокультурный фон принятия, насыщенный мировоззренческими, философскими, научно-теоретическими, методологическими и прочими образованиями, – всем тем, что синтезируется в понятии концептуального каркаса. Это своеобразное «решето», позволяющее сохранять в понятом совместимое с названным фоном и отсеивать не совместимое с ним. Но поскольку характеристики «концептуального каркаса» исторически преходящи, имеют деятельностную природу (т.е. обусловлены условиями, средствами, интересами, целями, мотивами и т.д. деятельности людей), постольку возможности и результаты «просеивания» крайне разнообразны, одни и те же события, явления, процессы получают разную интерпретацию, нередко фиксируются в противоположных идеях, концепциях и теориях (Berkau 2008: 99-109).

Разброс в принятии одних и тех же компонентов деятельности (в том числе компонентов аргументации) может быть очень велик, особенно, если затрагиваются интересы людей. Общеизвестно определяющее влияние политических и идеологических факторов в социальной коммуникации. Но, казалось бы, в так называемых точных науках этого не должно бы быть, однако так бывало даже в математике, достижения которой иногда забывались на века. В свое время Т.Гоббс заметил: «Если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии» (см. Гоббс 1991: 79).

Итак, рассмотрение аргументации в семантико-синтаксическом плане, как это имело место в традиционной логике, страдает ограниченностью, ибо сводит её к отождествлению с доказательством, опровержением, подтверждением и т.д. Более полное представление дает анализ этой процедуры в качестве средства коммуникации, средства связи и взаимодействия между адресатом и адресантом. Выход на прагматический уровень даёт бесспорный познавательный эффект.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Близкой данному определению является характеристика А.А.Брудного: «Понять – значит обрести знания. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным».

² Такое истолкование интерпретации отличается от принятого в логике – как приписывания некоторого содержательного смысла или значения символам и формулам формальной системы.

³ Г.В.Плеханов разъяснял марксистскую установку на сущностное понимание исследуемого предмета следующим образом: «Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать, какую роль играет собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут приходится иметь дело с танцем, выражающим собою *психологию непроизводительного класса*. Психологией этого рода объясняется огромное большинство «обычаев и приличий» так называемого порядочного общества. Стало быть, *экономический «фактор»* уступает здесь честь и место *психологическому*. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его экономического развития. Значит, экономический «фактор» вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим.

Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что тогда им определяются *возможность и пределы влияния* других «факторов».